

Уже год нет с нами Булата Окуджавы...

Нет, что-то в этой фразе неправильно! Во-первых, все, кто любит Окуджаву, продолжают слушать и петь его песни. А во-вторых, был ли он с нами (если под этим мы подразумеваем некую среднестатистическую общность) и два года назад, и двадцать?

...Именно двадцать лет прошло со дня моего знакомства с Булатом Шалвовичем. Был самый разгар застоя, десятилетие оккупации Чехословакии и никаких иллюзий а-ля шестидесятые. Стихов и песен в то время Окуджаву писать не мог. Сочинял исторические романы (помните: «Исторический роман/Сочинял я поемногу...») и в основном пребывал в возлюбленном XIX веке, откуда его не надолго возвращали в двадцатый только игры футбольного «Спартака», политические анекдоты, которые он беззастенчиво любил, да еще, может быть, мыть посуду. Это занятие он считал для себя чрезвычайно важным — как способствующее здоровому чувству самоиронии.

Хотя Окуджаву ходил в неизменной кепке и коротком плащике или в кожаном «писательском» пиджаке, его еще легко можно было представить в кивере и при эполетах... А стихи в тот период не интересовали Булата Шалвовича, возможно, потому, что в спертom воздухе конца семидесятых ему самому не пелось.

Тем не менее я пришел к Окуджаве именно как молодой поэт и был им благосклонно принят. Произошло это в моем родном Ижевске, куда он приехал с выступлениями в составе небольшой писательской группы.

Боже, как я был счастлив! Плечом к плечу с кумиром своей юности, которого в спорах со школьными товарищами противопоставлял даже битлам, я шагал по знакомым до каждой выщербленной ижевской улицей и разливался соловьем о достоинствах «Спартака», травил анекдоты про Брежнева и рассказывал обо всех (немногих) достопримечательностях столицы Удмуртии. Словом, восторг старался произвести впечатление интеллигентного молодого человека с хорошими манерами и понравиться Окуджаве — почти как юный Вознесенский Пастернаку. А вечный российский топтун, сменивший гороховое пальто на серый плащ, следовал за нами на почтительном расстоянии...

Потом я даже стал на время оруженосцем Окуджавы. Предложенная ему организаторами поездки гитара оказалась слишком экзотичной — какой-то невероятной формы и с наклейками, и Окуджаву предпочел раздобытую мной через знакомую продававшую обычную, чешскую (до сих пор с трепетом беру ее в руки).

А вскоре после отъезда Окуджавы я получил бандероль, в которой оказалась его новая книга с теплой надписью. И такие бандероли стали приходить на мой ижевский адрес регулярно. Может быть, на Бу-

лата Шалвовича произвела впечатление хрупкость культурного слоя под ногами, когда мы гуляли с ним по городу оружейника Калашникова и лыжницы Галины Кулаковой?

Через пять лет я переехал в Москву — и так случилось, что на три года поселился по соседству с Окуджавой. Соседом Булат Шалвович оказался замечательным — например, нередко сам предлагал деньги взаймы и всегда удивлялся, когда я возвращал долг, часто подбрасывая на своем «Жигуленке», если было по пути, и по дороге рассказывал о своих (еще диковинных тогда) поездках во Францию или Штаты (откуда однажды привез маленький шахматный компьютер, который, радуясь как мальчишка, охотно всем демонстрировал)...

И при неизменном сохранении дистанции он умел по-дружески помочь ближнему. Когда я попросил у него новые стихи для «Крестьянки» (мое первое место работы в Москве),

ОТДЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН ОКУДЖАВЫ

Мы солдаты его памяти

Окуджаву отдал мне все, что у него было (а в середине восьмидесятых он снова полюбил рифму и написал несколько лучших своих песен).

Таким образом, именно в нелитературной и незлитарной (тогда) «Крестьянке» были опубликованы многие хрестоматийные сейчас стихи Окуджавы. Хотя в те годы недостатка в издательских предложениях он уже отнюдь не испытывал.

А в 1986 году мы оказались в составе одной делегации на Пушкинских днях в декабристских местах. Декабристскими местами определили себя Иркутск и несколько бурятских селений области, где проживали ссыльные декабристы. Не говорю об Иркутске — даже в глухом, приземисто-ширококулом Ойёке переполненный сельский клуб встречал и провозжал Окуджаву овациями. Это была уже не популярность, а настоящая слава.

После одного из таких выступлений я нахально предложил Булату Шалвовичу переименоваться: Бурят Окуджавы. (А заодно и ответить наконец литературоведам в штатском, подозревавшим в нем японского шпиона Окуджаву.) Булат Шалвович немедленно отреагировал: «Хорошо, только давайте сначала напишем «Приключения Бурятино».

На выступление в Ангарск мы приехали 1 июня, в день, отмеченный не только защитой

детей и рождением Давида Самойлова, но в том году и введением в действие лигачевского сухого закона. (Самойлову по такому случаю мы послали короткую коллективную телеграмму: «Поздравляем и скорбим вместе».) Очевидно, именно в этой связи в задней комнате городской библиотеки после выступления нас ждал стол, уставленный потрясающим количеством спиртного, и мы все (запретный плод сладок!) воздали ему не только должное, но даже немного больше.

В общем, по дороге обратно в Иркутск мы все как один дружно и, как нам казалось, очень выразительно пели песни Окуджавы, и самое поразительное — возможно, это единственный случай в его жизни — Окуджаву нам подпевал. Просто пел за компанию хорошие песни, почти все слова которых помнил. Хотя вообще-то терпеть не мог разного рода коллективных мероприятий вроде хорового пения. Так же, как и панибратства...

О своей последней встрече с Булатом Шалвовичем — она состоялась за несколько дней до той его «загранки», из которой он не вернулся, — я уже рассказывал и писал. За исключением, пожалуй, вот чего. «Каким мы были дураки!» — повторил он несколько раз за этот вечер, говоря об иллюзиях своего поколения. И в то же время настаивал на еще одной последней своей иллюзии: ему очень хотелось ве-

рить в «молодых реформаторов», в частности в Чубайса, в то, что они доведут наконец реформы до ума...

А еще Окуджаву рассказывал, от чего умер.

— Вы замечательно выглядите, — «расшаркался» я при встрече.

— Это оттого, что я пью такое лекарство от сердца, — улыбнулся в усы Булат Шалвович, — от него зверский аппетит, зато, правда, снижается иммунитет — даже простывать нельзя.

Именно заграничная простуда и стала для него роковой — говорят, в те дни в Париже ломалась погода.

Умер Окуджаву 12 июня. В день независимости России от своего народа. Так уже случается с поэтами: не только жизнью, но и смертью они выламываются из рамок быта.

...Никогда не видел, прожив всю молодость в стране очередей, такой длинной и несуетливой очереди, как тогда на Арбате, в день прощания Москвы с Окуджавой.

Булат Шалвович Окуджава,
Так проходит
земная слава —
по запруженному
Арбату,
сотней тысяч
усталых ног...

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Последний аристократ

СТАРОДУМ

— Ведь вы оказались создателем целой школы бардов?

— Ну да, и не дай Бог вообще-то! Я не люблю ужасно это движение. Это стало массовой культурой... Эстрада. Нет, нет... Авторская песня рождалась на московской кухне, понимаете, среди пяти-шести единомышленников, мыслящих людей. Это была какая-то исповедь. А потом... Она стала заботиться о популярности.

Это из интервью с Булатом Окуджавой, опубликованного посмертно: может, он не хотел кого-то обидеть категоричностью?

Хотя — кого? Любимых им Кима, Никитина?.. Как бы то ни было, я, прочитав, испытал подобие эгоистического удовлетворения. Сам же писал, что, дескать, КСП по самонадеянности взял своим гимном «Возьмемся за руки, друзья...» — песню, имеющую смысл, если речь о друзьях, пусть даже не о «пяти-шести». А ставшую вдруг голосом уравниловки.

Не зря, полагаю, Окуджаву так любил Набоков, слегка смущенно гордясь, что один из последних аристократов российской словесности включил в свой роман первую набоковская книга в моей библиотеке — дареная им, Булатом, неизменно зачитанная «Лолита», разумеется, тайно вывезенная из-за бугра; вспоминаю, кстати, историю почти символическую — как Окуджаву провозил через границу на сей раз особо ценный им «Дар».

— Я, — говорит, — на всякий случай записал книгу под брючный ремень, сзади: под пиджаком же не видно. Входит таможенник. Показывает на верхнюю полку: «Ваш чемодан?» «Мой», — отвечаю. «Достаньте!» Я привстал и чувствую: книга поползла вниз, в штаны. Напрягся, как только мог, с трудом поднимая руки. «Что вы так долго?» «Радикулит», — говорю... Пронесло. Провез. И действительно, чем не притча на тему: контрабанда остатков аристократизма в развитый социализм?

Назвать аристократом — не значит сказать комплимент. Даже аристократизм не одной лишь крови, но духа ограничен, как все на свете. Тут недалеко до кастовости, до снобизма, и не только Набоков, воплотивший аристократизм на излете, не слишком хорош, когда глумится над мучеником Чернышевским (даже если тот, повторяя за Пастернаком, «мученик догмата»). И Пушкин представлял не в своем лучшем виде, обозвав благороднейшего разночинца Николая Ивановича Надеждина «Никодимом Не-веждиным из честного сословия слуг».

«Аристократ» — не комплимент, но тип сознания. Самосознания. Проступившего и в неуступчивых словах интервью.

Не знаю лучшего определения самой сущности Окуджавы, чем слова нашего общего друга Наума Коржавина, в миру — Эмки. Вспоминаю, как он впервые услышал «Московского муравья» (а я рассентиментальничаясь и похвально: было то на дне моего рождения и аж в 60-м году), Коржавин рассказывал, что испугался, услышав строку: «И муравей создал себе ботинку по образу...».

— Сейчас продолжит: «подобно своему» — и все пропадет! А когда он спел: «По образу и духу своему», у меня самого дух захватило. Он проскокил над пропастью, не заметив ее. Я был ошеломлен: «Твою мать!» — а Булат ничего не заметил.

Проскочил, не заметив, — и не что-то, а пропасть. Не заметив, тем паче не выказав трудности преодоления, — это и есть та степень внутренней независимости, внутренней свободы, которую условно можно назвать аристократизмом. Тем, который оскорбитель для плебейства — будь то хамская власть или хотя бы клан стихотворцев, заискивающих перед толпой. Оскорбитель своей отстраненностью от первой и от второй, в чем власть справедливо подозревает презрение к ней, а «коллеги» обижено путают с высокомерием.

Настаиваю: Окуджаву, «потомок тифлисских лавочников», как бессмысленно уязвил его бывший друг, человек уже диссидентского круга, был аристократ. Быть может, не то что из последних, но самый что ни есть наипоследний. И в том, что создавал свой рыцарский орден «арбатство». И в том, как мало переменылся, пройдя путь к мировой известности и, что дорожке, всероссийской любви от литературного небытия: а и в ту пору был уже не мальчик (когда я с ним подружился, ему только пошел тридцатый пятый год и знаменитых впоследствии песен было всего четыре, из которых он пел и вовсе две). Но я никогда б не решился похвалить его за непеременичивость: непременно нарвался бы на истинно аристократическую удивленность. А как, мол, иначе?

Когда он умер, Анатолий Падалин, издавший его в последние парижские дни, передал их разговор. Нам с тобой, Толя, будто бы сказал Окуджаву, повезло. Мы еще в шестидесятых обрели свою славу... И — режьте меня, одно слово, в свою очередь, режет мое ухо! Слава? Во всяком случае мне Булат когда-то сказал иначе: «Когда на меня свалился успех, я, к счастью, был уже взрослым. Я не знаю, как бы я себя вел, если бы мне в тот момент было лет девятнадцать, например, как Жене Евтушенко».

...Неприязненно ловлю себя на фамильярном: «Булат... Булат...» То есть всем, знавшим его долгие годы и близко, пожизненно не отдалось от этого, но вообще-то пора расставаться с панибратством. Булата более нет. Булат Шалвович?.. Но не зря Ахматова оскорбилась, когда ее печатно называли Анной Андреевной: «По отчеству-то за чем?» У поэта — литературное, а не бытовое имя.

Есть и будет Булат Окуджаву, чьи аристократические глубины-высоты еще должны нам открыться. Не откроются — сами будем виновны: значит, выродились безнадёжно.

● Станислав РАССАДИН

Не ищите дежурного по апрелю. Он — вечен

10 июня в Большом зале Политехнического музея не хватало мест: москвичи пришли на вечер памяти Окуджавы «Пока земля еще вертится...». И земля действительно «вертелась». И он, Окуджаву, смотрел в зал из-за цветов с большого черно-белого фото — совсем живой... «Если бы Булат знал, что здесь сегодня происходит, — сказала Лидия Либединая, — то был бы доволен!»

Очень тепло и талантливо выступил Виктор Берковский. Галина Хомчик пела Окуджаву. А «Надежды маленький оркестрик...» — вместе с залом.

«Всех людей, которые сегодня выступают, — сказал Станислав Рассадин, — он очень любил...»

Почти все песни Окуджавы — о любви. Совсем недавно он пел о ней... А теперь слагают песни о ней и о нем другие. Строки Вадима Егорова, посвященные Булату Шалвовичу Окуджаве из прозвучавших в тот вечер, были, пожалуй, самыми светлыми:

*Там, где звезды и мудрее, и добрее,
Где земное не оттягивает плечи,
Вечно быть ему дежурным по апрелю —
По апрелю нашей молодости певчей...*

● Олег БОГАЧЕВ
Фото автора

